

Анна Кубанцева

АЛЕНА ВИНОКУРОВА.

ЖЕНЩИНЫ ЛЮБЯТ
ВОПРЕКИ

12+

Анна Сергеевна Кубанцева
Алена Винокурова.
Женщины любят вопреки
Серия «Алёна Винокурова», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100847

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03168-5

Аннотация

Заключительная часть приключений Алены Винокуровой. В городе убивают бандита, широко известного своей деятельностью в лихие 90-е. Неожиданно в помощь местным оперативникам присылают коллегу из Москвы. Все очарованы ее красотой и умом, все, кроме Алены. Чем дольше она наблюдает за действиями столичной полковницы, тем больше подозрений у нее рождается...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Кубанцева Алена Винокурова. Женщины любят вопреки

Глава 1

Мое самое любимое время суток летом – раннее утро. Когда воздух прозрачен и чист, еще сохраняется ночная прохлада и беспечно щебечут птички.

Вот такое утро было сегодня. Я вышла из подъезда, с наслаждением вдохнула полной грудью и села в машину, открыв передние окна. Включила радио, тронулась с места и даже стала подпевать популярной певице. Настроение было шикарное. Я выехала на проспект и подумала: не заехать ли мне за кофе, когда позвонил мой начальник Пашка. Хоть его и назначили официально начальником оперов, а меня старшим оперуполномоченным, отношения наши оставались по-прежнему дружескими.

– Хеллоу, – поздоровалась я.

– Хеллоу, хеллоу, – грустно вздохнув, ответил он, – где ты, Винокурова?

– На проспекте, скоро буду в отделе, а, что?

– Езжай на Лермонтова, у нас труп, – он продиктовал ад-

рес.

– Давай, скоро буду.

Свернув в переулок, я скоро приехала по нужному адресу и удивилась количеству служебных машин.

Кивнув сержанту на оцеплении, я зашла за ограждение и нашла глазами Пашку.

– А кого грохнули? – настороженно спросила я, – Мэра?

– Если бы, – ворчливо отозвался Павел, – Остапа Бережного.

И увидев мой непонимающий взгляд, продолжил:

– Он же Ося Береженный.

– Попадос, – задумчиво прокомментировала я.

Остап Бережной, он же Ося Береженный, был личностью широко известной. В лихие девяностые начал бандитскую карьеру в нашем солнечном городе, затем подался в Москву, где уже вошел в лидеры одного из ОПГ, затем, в конце прошлого года – начале нового тысячелетия, вернулся на малую родину через несколько лет организовал крупное фермерское хозяйство, естественно, построил храм, и нынче числился социально ответственным бизнесменом и надежным соратником партии. Ну неужели тяжело было его пришить в другом районе?!

– Слушай, ну, наверное, у нас это дело ГУВД заберет? – подала я надежду своему начальнику.

Он глянул на меня скептически и съязвил:

– С тех пор как у нас в отделе завелись наследные прин-

цессы в погонах, у нас еще ни одного дела не забрали.

Что правда, то правда: с начала моей трудовой деятельности папа-генерал не облегчил мою деятельность ни на йоту. Как-то я услышала обрывок их разговора с мамой:

– Если твоя дочь такая умная, что пошла в опера, то пусть пашет, как негр на плантации, а то совсем разленится на квартирных кражах и бомжатских разборках, – объяснял отец маме свою политику.

Я не возражала, чем интереснее дела, тем интереснее работать. Однако мои коллеги радости моей от сих перемен в своей судьбе не разделяли.

Я подошла ближе к месту происшествия. Глазам моим предстала вполне себе стандартная картина: расстрелянный джип у подъезда, а в джипе труп с множественными огнестрельными ранениями.

– Калаш? – наугад спросила я эксперта.

– Он, родимый, – ответил эксперт, почесав нос краем латексной перчатки, – умер мгновенно, пуля попала в сердце, я бы сказал: был произведен образцово – показательный расстрел.

Я скривилась. Не люблю я показательные выступления, а уж расстрелы образцово – показательные, так тем более.

– Свидетели есть? – спросила я Пашку.

– Полно, время-то какое: все на работу идут. Вон бабка с собакой гуляла, иди, общайся.

Бабка мне особо ценного ничего не сообщила: мужик этот

ходит к Людке из 7-ой квартиры, ходит давно, Людка эта не замужем и не была, хотя годков уже к сорока, чистая шлендра, работает где-то в ресторане.

– А по факту расстрела, что можете сообщить? – прервала я поток гражданского сознания.

– Я с Бароном гуляла, – кивнула она на моську у своих ног, – когда мужик этот вышел, ну, я посмотрела и уже хотела отвернуться, как услышала, что машина рядом завелась и топот, как стадо слонов бежит, гляжу: батюшки, а там трое в масках и с автоматами бегут. Этот уже в машину сел, а они как начали палить по машине. Я стою ни жива, ни мертва, думаю, ну все: я следующая, как свидетель. А они в машину прыгнули, и поминай, как звали.

– Машина какая?

– Большая такая, бандитская.

Я мысленно закатила глаза: прекрасное определение, под стать стаду слонов.

– Черная, белая, красная? Седан, хетчбек, внедорожник, паркетник? На эту похожа? – кивнула я на тойоту Бережного.

– Девушка, говорю же: бандитская! Большая такая, черная, окна тонированные.

У меня мелькнула догадка, и я показала ей фото гелендвагена.

– Такая?

– Да, точно, такая.

– Номера, конечно, не запомнили?

– Почему, – надменно посмотрела на меня бабка, – наш регион, С 149 УУ.

– Какая Вы молодец, – искренне похвалила я.

Бабка гордо расправила плечи и сменила гнев на милость к моей скромной персоне.

Через десять минут я улучила момент сбежать от нее и поднялась в седьмую квартиру к Людке-шлендре.

Как я и ожидала, выглядела та вполне себе прилично. Симпатичная стройная женщина лет тридцати пяти, в домашнем шелковом халатике и собранными в пучок мелированными русыми волосами. Женщина выглядела искренне печальной.

Ее допрашивал следователь Ивашин, я просто села на стул и слушала.

Когда следователь закончил и ушел, Людмила продолжала сидеть и смотреть безучастным взглядом в окно. Я кашлянула, чтобы напомнить о своем присутствии.

Женщина перевела взгляд на меня.

– Что-то еще? – равнодушно спросила она.

– Людмила Алексеевна, не сочтите за наглость, угостите кофе.

– Идемте, – также безучастно к происходящему, ответила мне хозяйка квартиры.

– Расскажите мне о нем, – попросила я на кухне.

– Так вроде бы все рассказала, что еще?

– А вы мне по-женски расскажите: как познакомились,

как роман завязался, ну и так далее.

– Я директор ресторана «Лилия», как-то раз Остап решил устроить хороший банкет для своего персонала, так и познакомились, – начала она рассказ, когда села за стол напротив, – как-то сразу закрутилось, знаете... Такое совпадение времени и места, когда встречаются двое.

– Вы любили его?

– Да, – также равнодушно ответила Людмила, – я его любила. А он любил меня. Мне же уже не шестнадцать, семейная жизнь как-то не сложилась, а тут, как глоток свежего воздуха. Я же знала прекрасно, что он женат, что у него дети, семья, я же не претендовала ни на что, я просто хотела, если получится, родить от любимого мужчины и жить себе счастливо с ребенком. Но Осик хотел, чтобы все по-человечески было, он хотел жене все рассказать, из семьи уйти, дети взрослые, должны понять... Не успел... Как раз сегодня должен был вечером объясниться с женой, она в Греции вроде или где-то там...

– Он часто у вас оставался на ночь?

– Да, довольно часто. Вроде как они с женой жили каждый своей жизнью.

– Понятно. Следователь спрашивал, но я спрошу еще раз: может быть, он как-то упоминал о каких-то своих страхах, врагах, может быть, обрывок разговора по телефону? Может быть, ночной кошмар?

– Нет, он почти всегда в прекрасном расположении духа,

эдакий весельчак... Был Осик... А дела со мной он никогда не обсуждал, всегда говорил: женщины для любви, мужики для дела... Хотя знаете, я сейчас вот вспомнила один момент: он мне как-то подарил кольцо золотое, дорогое, красивое, ну, не суть, так вот, надел его на меня, смотрел на меня в зеркало и задумчиво так произнес: «как жаль, что кровь нельзя смыть». Я так испугалась в первую секунду, а он улыбнулся, обнял и рукой махнул типа: не бери в голову.

Мы поговорили еще минут пять, я допила кофе и отключилась.

– Алена, у меня будет просьба к Вам, если можно, – не смотря на меня, сказала она, когда я стояла на пороге.

– Я слушаю.

– Я ведь никто ему, мне не скажут... Вы можете позвонить, когда похороны назначат? Я хоть издалека прошусь с ним...

Глава 2

Весь день мы провели в бегах по делу Оси Береженого. Как Паша и предвидел, дело у нас не забрали, но усилили нас, так сказать лучшими головами из ГУВД. Впрочем, в лучших традициях своего управления, они предпочитали сначала собрать клюкву с болот руками крепостных, потом рассказать им какие они безрукие и показательно собрать две верхние ягодки. Поэтому радостную весть о лучших головах мы получили, но продолжили шуршать своей группой.

Сыновья Бережного тоже ничего толкового не сообщили, оба работали у отца, хотя младший еще учился в институте, и никаких проблем в бизнесе не было, никаких угроз, вроде как, отец не получал.

– Вы меня извините, Владимир Остапович за нескромный вопрос, – витиевато начала я, обращаясь к старшему сыну, вклиниваясь между вопросами Ивашина, и игнорируя его недовольный взгляд, – но, может быть, прошлое Вашего отца напомнило о себе? Может быть, были какие-то гости, какие-то звонки, связанные с его преступной деятельностью.

Владимир Остапович – молодой парень двадцати шести лет, был похож на отца, насколько я могла судить по семейным фотографиям на столе, обладал тяжелым взглядом. Наверное, тоже унаследовал от отца. Вот этим тяжелым взглядом он на меня и посмотрел, прежде чем ответить.

– Да не было ничего! – вспыхнул младший.

– Андрей! – оборвал его старший.

После парень тяжело вздохнул и потер лицо руками.

– Послушайте, я не буду сейчас говорить, что мой отец святой и все такое, но он любил повторять: что было, то было. Он навсегда завязал и отошел от каких-то преступных тем. Если бы у вас на него что-то было бы, вы бы давно его закрыли. Я знаю отца как порядочного человека. Поэтому, если и были какие-то звонки из прошлого, то мне об этом неизвестно. Через пару часов мать прилетит, спросите у нее, возможно, она ответит вам на это.

– И не смейте чернить имя отца, вы поняли? – опять встрял младший сын Андрей, непонятно к кому обращаясь.

– Уймись, – устало попросил старший.

– Андрей Остапович, никто не собирается чернить имя и память Вашего отца, – задушевно продолжила я, – но Вы же понимаете, что мы должны отработать все версии, чтобы найти его убийц?

Парень засопел и раздраженно откинулся на стуле.

– Спасибо, Алена Дми

триевна, за Ваш вклад, но дальше я сам, если не возражаете, конечно, – съязвил Ивашин и продолжил.

Он был хороший человек, добрый толстячок, и ко мне относился вполне дружелюбно, но за мою манеру лезть поперек батьки в пекло всегда щелкал меня по носу.

Я притихла и прикинулась мебелью.

Таковыми же продуктивными были и разговоры с сотрудниками офиса: Остап Геннадьевич был золотым человеком, отзывчивым, веселым и так далее, и так далее, правда, со взглядами на жизнь из 90-х.

Дождались вдову. Невысокая полная женщина с короткой стрижкой по-хозяйски прошествовала по офису в кабинет покойного мужа, высокомерно кивнула секретарше, на ходу бросив «Принеси воды», вошла в кабинет, здороваясь сразу со всеми и ни с кем:

– Здравствуйте, – затем кивком головы показала сыну освободить ей место руководителя.

Парень подскочил, дама села, сняла очки и подняла взгляд на присутствующих. А я подумала, что поторопилась с выводами о наследии взгляда от отца у старшего сына.

– Так, мальчики и девочки на выход, остаются только господа из органов.

Мальчики и девочки спорить не стали и быстренько ретировались.

Повисла пауза, мы выжидающе смотрели на вдову, та сосредоточенно разглядывала пространство над столом.

– Давайте так с вами поступим, я постараюсь ответить на ваши вопросы четко и по делу, а вы постараетесь их задавать корректно и конкретно.

– Вера Викторовна, для начала примите наши соболезнования, – начал Ивашин, но вдова его перебила:

– Не надо, – спокойно оборвала его женщина, – не выношу

фальши. А кому точно не жаль Остапа, так это вашему брату. Давайте к делу.

– К делу, так к делу, – пожал следователь плечами.

Я с интересом наблюдала за женщиной. Перелет из другой страны, известие о гибели мужа мало сказались на ее облике: она была аккуратна, собрана, причесана, подкрашена. Выглядела она на свой возраст, и было в этом свое достоинство, которое она несла и транслировала окружающим. Было видно: эта женщина себя уважает.

– Вы знали, что у Вашего мужа... есть другая женщина? – постарался быть деликатным Ивашин.

Бережная усмехнулась.

– Я их считать замаялась, – насмешливо глядя на следователя, ответила она, – значит, у нее его и порешили?

Она покачала головой, словно устала объяснять ребенку, что нельзя шалить.

– Вас это не задевало, как женщину? – вставила я свои пять копеек.

Женщина посмотрела на меня исподлобья, словно оценивая, достойна ли я ее ответа.

– Девушка, – тяжело вздохнув, все-таки решила ответить мне Вера Викторовна, – в 90-х, когда Вы только родились, у каждого мужика, имеющего в кармане сто баксов, была любовница. Мода такая, знаете ли, была. За тридцать лет как-то привыкаешь.

– Но ведь Вы могли уйти, развестись, – возразила я.

– Поживите с мое, деточка, тогда поговорим, – окончила дискуссию дама.

Дальше ответы были стандартными: ничего не было, никто не беспокоил.

– Может, у Вас есть какие-то соображения, кто мог желать его смерти?

Женщина молчала и смотрела перед собой в стол.

– У моего мужа много грехов, прости Господи его душу грешную. Если кто и желал ему смерти, то это только привет из молодости. В последние годы он вел действительно достойную жизнь.

– Вы любили его? – снова влезла я.

– Вы замужем? – спросила в ответ женщина.

– Нет.

– Вот проживете с мужем жизнь, – вздохнула она, – детей вырастите, дом постройте, бизнес. Пуд соли пополам съедите. А потом ответьте себе на вопрос: любите ли Вы его? Может, и не любите пылко, как в молодости, да только вот жить без него уже не можете, это точно.

Глава 3

Вечером я лежала на диване и анализировала. Убили знатного бандюгу, но никто смерти ему не желал, ибо золотой был человек Остап Геннадьевич. В его жизни было две женщины и обе поразительно спокойно отреагировали на его смерть. Хотя, возможно, его привлекал именно такой тип женщины – безэмоциональный.

Как ни крути, а завтра надо делать запрос в столицу нашей Родины о ратных подвигах господина Бережного. Я услышала, как открывается дверной замок, Вадик пришел домой. Привычным жестом бросил ключи на тумбочку в коридоре, вошел в комнату и обессиленно повалился на диван.

– Винокурова, ты меня любишь? – промычал он, закрыв глаза.

– Предположим, – усмехнулась я.

– Тогда сгоняй на пивасиком, а? Я устал, как пес.

– В холодильнике есть еще банка.

– Отлично, неси.

Я покачала головой, но сжалилась над Вадиком и принесла ему желаемое.

– О, вкус жизни, – выдохнул Самойлов, сделав пару глотков, – ну, что, у вас Осю, говорят пристрелили?

– Пристрелили.

– Слышал, из Москвы к вам уже кого-то отрядили, ка-

кой-то полкан Михеенко вроде.

– Это еще зачем? – нахмурилась я.

– Ты не поверишь, Ален, не доложили в этот раз.

– Москвичей нам только не хватает, управления нам мало, так теперь еще и этих принесло, – заворчала я.

– Кстати, об управе. А ты не думала перейти в ГУВД? На тебя там виды имеют, слышал такие разговоры.

Я слегка скривилась.

– Ты ж меня знаешь, не люблю я большие кабинеты.

– Взрослеть пора, Аленка, если предложат, подумай.

Опять же, ближе друг к другу будем.

– Ну, мы вроде и так не далеко.

– Ты меня поняла.

– Ладно, мне об этом еще никто не говорил и никуда меня не звали, поэтому смысл об этом пока говорить?

– Тоже верно.

Утром я сделала соответствующие запросы и сидела, изучала информацию о Бережном Остапе Геннадьевиче в свободном доступе интернета – интервью, заметки об агрокомплексе.

Часов в одиннадцать позвонила Танька.

– Ты на работе, душа моя?

– На работе, – отозвалась я.

– Я иду, жди, – постановила она и отключилась.

– Сейчас Карпова придет, – возвестила я светлую весть своим мужикам в кабинете.

Мужики застонали от такого счастья.

– Она что, не родила еще? – спросил Пашка.

– А ты что, слышал залпы башенных орудий, которые возвестили бы нам о рождении наследника? Так что нет, – усмехнулась я.

Таня – моя подруга, коллега, красавица и заноза в заднице. Характер у Карповой был совершенно невыносимым, впрочем, сейчас она готовилась стать мамой, родить должна была буквально со дня на день, несла себя, как мать наследника престола и, если бы современные условия позволяли, с удовольствием заставила бы нас кланяться при своем появлении.

– Салют, мусора, – поприветствовала нас капитан Карпова, которая уже несколько месяцев как стала мадам Боташева.

– И тебе не хворать, – ответил Паша, – ты когда родишь уже?

– Скоро, Павел, скоро, – утешила его Таня, усаживаясь возле моего стола, но обращаясь к Паше, – поухаживай за беременной женщиной, сделай мне кофе.

– Танька, не борзей, – улыбнулась я, – Павел Семенович теперь наш начальник.

– А, тогда извиняй, начальник, не знала, – широко улыбнулась Татьяна.

– Ты каким ветром? – спросила я у нее.

– Я принесла тебе показать свадебную книгу, только за-

брала, – горя глазами, сообщила мне Татьяна.

В марте месяце этого года после семи лет отношений, неудачного, слава Богу, покушения на Татьяну, известия о ее беременности, разорванной помолвки Рамазана, Татьяна Валентиновна Карпова и Рамазан Хусейнович Боташев вступили в законный брак.

Если бы меня спросили: какой я представляла себе свадьбу Тани, я бы ответила, не задумываясь: свадьба, напоминающая коронацию. Я ожидала танцующих слонов, фонтанов из «Вдовы Клико» и саму невесту в платье, усыпанном бриллиантами, короне и огромным кринолином.

На деле же все обстояло иначе. Учитывая, что родители Рамазана всегда мечтали о традиционной национальной свадьбе для сына с тысячей приглашенных, а сама Татьяна мало вписывалась в образ карачаевской невесты, то было принято решение играть две свадьбы: свадьбу невесты здесь, и свадьбу жениха на родине Боташевых, где Татьяна, так уж и быть, будет вести себя тихо и скромно. Поэтому та свадьба, на которой присутствовала я, была камерной, относительно небольшой и очень нежной. Таня была фанаткой знаменитого турецкого сериала про султана и его любимую, и свадьбу организовала с легким флером этого сериала: коснулось это музыкального оформления, первого танца молодых под главную любовную тему из этого сериала, десертов. Свадебное платье невесты было также стилизовано под наряды главных героинь, что позволяло скрыть округлившийся жи-

вотик. Сама же Таня в этот день, словно по волшебству, избавилась от своей стервозности и лучилась счастьем и любовью. Из прибабасов были только дым-машина, салют из конфетти и салют обыкновенный. Но это атрибуты каждой второй современной свадьбы.

– А какую бы ты хотела свадьбу, Ален? – спросил тогда у меня Вадим, когда мы танцевали.

– Честно? Наверное, напоминающую эту, посмотри, какие они счастливые, – кивнула я на молодоженов.

Таня и Рамазан танцевали, улыбаясь друг другу так ласково, что даже люди не сентиментальные, к коим относилась я себя, пускали слезу, глядя на них.

– На, смотри, – протянула Таня мне увесистую фотокнигу, вырывая меня из воспоминаний о ее свадьбе.

Начиная смотреть фото, я заулыбалась, потому что Таня была верна себе: для свадебной фотосессии, которая проходила в студии, Татьяна выбрала декорации дворца и напялила на Рамазана наряд султана.

Мы по-женски обсуждали фотографии, когда открылась дверь, и голос нашего начальника Шевцова Аркадия Зиновьевича прервал нашу идиллию:

– А тут, собственно, группа оперативников, которые ведут это дело. Товарищи офицеры!

Мы все подскочили и посмотрели на начальника и его спутницу. А я даже тряхнула головой, решив, что у меня навязание от Танькиных фотографий. Рядом с нашим Зинач-

кой стояла женщина, как две капли воды похожая на исполнительницу роли Хюррем.

– Это полковник Михеенко Марина Алексеевна, прикомандирована к нам из московского ГУВД, будет вести дело Бережного. Майор Овсянников – начальник отдела, майор Винокурова – старший оперуполномоченный, капитан Решетников, капитан Карпова, наша коллега из пресс-службы, – представлял нас по очереди начальник.

Рыжеволосая красавица переводила цепкий взгляд с одного на другого, и холоду ее глаз позавидовал бы промышленный рефрижератор.

– Я зайду к вам позже, – кивнула товарищ полковник, и они удалились.

А мы ошарашено переглядывались друг с другом.

– Да, Карпова, оказывается, бывают бабы красивее тебя, – задумчиво протянул Пашка.

Танька зыркнула и надменно ответила:

– Я Боташева.

Глава 4

Таня ушла и через пару минут вошла полковник Михеенко.

– Ну, что, ребята, рассказывайте, что успели накопать, – начала она, присаживаясь возле Павла.

Пока Паша рассказывал, я рассматривала ее. Есть утверждение, что сексуальность – это не то, что подчеркивают, а то, что невозможно скрыть. Так вот это утверждение было однозначно о Марине Алексеевне. В джинсах, обычной белой футболке, пиджаке с подвернутыми рукавами, надетым явно не по нашей погоде, а по московской прохладе, Марина выглядела все равно невероятно притягательно. Она легко улыбалась Паше, словно поощряя его отступить от формального стиля общения, но глаза смотрели очень холодно. Рыжие волосы ее спускались ниже лопаток и были завиты в модные локоны. Выглядела она достаточно молодо и свежо, и я гадала: сколько же ей может быть лет, если она уже полковник.

– Во мне есть что-то необычное, Алена? – перебила она Пашу, и повернулась ко мне с той же легкой улыбкой и ледяным взглядом.

– Нет, простите, – смутилась я, – просто Ваше сходство с одной турецкой актрисой просто поразительно.

Улыбка женщины стала шире, и она кивнула:

– Да, с тех пор, как вышел этот сериал, меня так и зовут: Хюррем Алексеевна. И можно на «ты», не люблю лишнюю патетику. Извини, Паш, я перебила тебя.

Я перевела взгляд на Диму, тот зачарованно смотрел на Хюррем Алексеевну и здорово напоминал влюбленного волка из наших детских мультиков.

– Так, понятно, – качая ногой и подперев рукой голову, резюмировала Марина, когда окончил Паша свой рассказ, – значит, убили старого бандита, все говорят о нем, как о человеке большой души и ширины сердца, есть две бабы, которые очень спокойно встретили его смерть и совсем-совсем никто не желал ему смерти... Так, а третью бабу не искали? Может, предыдущую, которая была до этой, нынешней его дамы сердца?

– Нет, а зачем? – удивился Павел.

Полковник Михеенко улыбнулась загадочной улыбкой и объяснила:

– Обиженные женщины, Паш, способны очень на многое...

Она посмотрела на часы и произнесла:

– Так, мне сейчас надо в ваше управление... Этот стол свободен? – кивнула она на стол в углу.

– И да, и нет: у нас тут временно молодой следователь обитает, но, если нужно, мы его переселим, – проявил инициативу Дима.

– Не нужно, – покачала она головой, – не люблю достав-

лять неудобства. Давайте так, я вернусь через пару часов, и сядем, наметим план действий.

Она улыбнулась нам и пошла к двери.

– Марина, – кашлянул Паша, – а если не секрет: какой интерес у вас в этом деле? Все же он фигура не того масштаба, когда в том году олигарха одного пристрелили у нас, и то никого не присылали, а тут какой интерес?

Марина загадочно улыбнулась и, чуть понизив голос, пояснила:

– Личный интерес, Паш, личный, – затем коротко рассмеялась и пояснила, – давайте я вернусь, и сядем спокойно поговорим обо всем, договорились?

– Конечно, – кивнул наш начальник.

Марина ушла, а мы переглянулись.

– Интересный экземпляр, – покачал головой Паша.

– Да, прямо очень интересно, сколько ей лет. Такая молодая, а уже полковник, – поделилась я своими мыслями.

– Серьезно? – не удержался Паша, – это двадцатисемилетнему майору интересно?

Я смутилась, словно меня уличили в чем-то неприличном:

– Ну, я об этом не просила никого, – пробурчала я.

– Ну, так может и она тоже, – пожал плечами.

– Красивая она, конечно, хоть не смотри, – грустно вздохнул неженатый Дима, – жаль, что у красивых баб всегда полно скелетов в шкафу.

– Я тебя разочарую, Димон, но у некрасивых тоже.

Когда мы остались вдвоем с Пашей в кабинете, он кашлянул и обратился ко мне:

– Алэн, ты это, не обижайся на меня за майора, я не хотел тебя уесть, просто я не в форме что-то...

– Что-то случилось?

Паша тяжело вздохнул и потер лицо руками.

– Надя развода хочет, собрала пацана, уехала к своей маме.

Свою жену Паша встретил еще в школе. Когда в десятом классе пришла новенькая Надя Подтыкайлова, тогда Паша Овсянников и пропал. Сразу и на всю жизнь. Надя была из семьи военных, поэтому мечты Паши о службе в милиции восприняла благосклонно и поддержала его. Не было у Нади вопросов к Паше, когда они встречались, ни с его мизерной стипендией, ни с нищенской лейтенантской зарплатой, когда поженились, ни к проживанию совместно со свекровью молодой семьи. И Паша был абсолютно уверен в своей Наде, как в самой надежной и любимой женщине, на чью любовь и поддержку он может рассчитывать всегда, чтобы ни случилось.

– У нее кто-то появился? – осторожно задала я вопрос.

– Как будто бы нет, – пожал плечами майор Овсянников.

– Тогда почему?

– Прихожу поздно, ухожу рано, ей внимания не уделяю, сыном не занимаюсь, никуда не ходим, нигде не бываем, она устала и лучше она будет одна, зная, что ей не на кого рас-

считывать, чем со мной, все время, оставаясь одна, и решая проблемы самостоятельно, – заворчал Паша, видимо цитируя супругу, – а, что я сделаю? Пойду охранником в банк, но с 9 до 18? Так ей будет лучше? Вот начальником отдела стал, денег стало чуть больше, думал: поедем, отдохнем всей семьей... А, вот тебе, Паша, кукиш с маслом...

– Ну, подожди, может, сейчас остынет и передумает, вы сколько лет уже вместе, это так просто на помойку не выкинешь.

– Хочется верить, но вас же, баб, сам черт не разберет, что у вас там в голове происходит, – бурчал Паша.

Вернулся Дима, и мы закруглили разговор. Не то, чтобы мы ему не доверяли или сторонились, просто с Пашей у нас была какая-то своя дружба на двоих.

Где-то через час приехала полковник Михеенко.

– Ну, и жара у вас, конечно, – пожаловалась она, входя в кабинет, – я не знаю, как вы, а последний раз я ела невкусный бутерброд в самолете, давайте поедим.

Она поставила на теоретически свободный стол коробку с пищей.

– В общем, ситуация примерно такая: последние почти двадцать лет господин Бережной вел жизнь порядочную и примерную, другим на зависть, чего не скажешь о предыдущем десятилетии святых девяностых. Чем он тут у вас занимался не так примечательно, как его деятельность в столице. Каким образом его судьба свела с господином Никольским

и господином Бесошвили точно неизвестно, но в 94-ом году они сколотили бригаду и начали, почти, как и все, с рэкета. К середине 95-го года под их, так сказать, крылом, было несколько крупных банков и за свои услуги они взяли мзду золотом. В прямом смысле. В ноябре 96-го года, они втроем забрали сумку с золотыми слитками в одном банке, и двинулись в неизвестном направлении через город. На Пятницком шоссе их автомобиль подрезал мотоциклист, после чего машину расстреляли из соседнего жигуля. Никольский умер на месте, Бесошвили был серьезно ранен, Бережной пострадал меньше всего, так как сидел сзади, а стреляли в лобовое, у него пуля прошла через плечо. Он и увел машину в том же неизвестном направлении. Никольского подкинули прямо перед МУРом ночью, Бесошвили на какое-то время отошел от дел, так как был серьезно ранен, и делами управлял один Бережной.

Когда Бесошвили вернулся в строй, они с Бережным начали легализовывать бизнес и вскоре стали бизнесменами широкой руки. В 2000-ом Бесошвили выкупил у Бережного его долю и тот вернулся к себе на родину, то есть в ваш город. И зачем я вам все это рассказываю, спросите вы, а затем, что золото это было не только их, а должно было быть большей частью передано вышестоящим инстанциям, так сказать. Но оно при нападении пропало. Бережной искал, искал, Бесошвили искал, искал, но поиски успехов не дали. Было им, говорят, очень несладко, но нападавшие как в воду канули,

а этим двоим вроде как поверили, что они тут не при чем. Но золото, как известно, в цене с годами не теряет, поэтому не исключено, что у бывших хозяев, которые сейчас сидят очень высоко, появились вопросы к старым друзьям. А методы остались те же, несмотря на дворецких – англичан. Вот с этой версией я и приехала.

– То есть искать мы будем золото? – спросила я.

– Будем, – кивнула Марина, – золотые слитки даже на черном рынке штука заметная и недавно один всплыл в вашем регионе, если к этому причастен Бережной, мы это узнаем.

Глава 5

Я сидела в кабинете, лениво крутилась на стуле и слушала, как ведет допрос новый следователь Степан, только что окончивший институт. В отделе шел ремонт, населенность кабинетов уплотнили, возиться с молодым никому не хотелось, и его сослали к нам. Пашка окрестил его «сын полка» и мы взяли над ним шефство. Вот и сейчас я делала вид, что просто сижу, а сама слушала, как он допрашивает нашего штатного бомжа дядю Борю, неожиданно признавшегося в убийстве товарища по бутылке.

– И, если знаете, молодой человек, как у классика: уж мы их душили, душили... Ну, вот и я Васю, упокой Господь его душу, душил, душил и удушил...

– Чем производили удушение? – без всякого интереса спрашивал младший лейтенант.

– Так этой... Как его, подушкой.

– Из личных мотивов?

– Да, излишние употребление, ревность...

– Это к кому приревновал, дядь Борь? – не выдержала я, – к Надьке-синячке или к Алке – давалке? Или у вас новая дама в компании?

– Я ж говорю, Аленушка, алкоголь, чтоб его...

– Так, Степ, заканчивай бумагу переводить, он нам голову морочит.

– Почему? – не понял парень, – у нас же чистосердечное, Алена Дмитриевна.

– Потому что, Степа, Дудников Борис Михайлович – это наш штатный бомж, мы его всем отделом кормим. Дядь Борь, – обратилась я к нашему штатному другу, – ты зимой в бушлате форменном ходишь, в пьяных похождениях замечен не был, а вот в любви к книгам уличен не раз, ты кому сказки рассказываешь, что ты Петрова замочил? Я не говорю уже о том, что признаков насильственной смерти у трупа не обнаружено. К чему этот спектакль?

Дудников вздохнул и потупился.

Вообще он был человек неплохой и достаточно интеллигентный для бомжа. Бывший учитель истории из бывшей союзной республики Средней Азии, был одинок, после развала Союза, вернулся в Россию, продав все, что имел, пробовал податься в бизнес, но связался не с теми людьми и получил шесть лет колонии. Дальше классика: отстал от поезда, помочь некому. Как-то незаметно он прибил к нашему отделу: то почистит порог от снега, то окна помоем снаружи, так мы и взяли его на попечение, пускали зимой ночевать в общежитие, подкармливали, давали мелкие поручения.

– Хорошо, давай начистоту, Аленушка. Старый я стал, болеть начал. Вася, конечно, сам помер, но...Какая ему уже разница? А мне сухая постель, да еда по расписанию, хоть какая, врачи, коли помирать стану. Вам плюсики к раскрываемости, вот молодой человек успешно начнет карьеру, а мне,

как я уже сказал, сухая постель и возможность спокойно помереть. Не отказывай старику, а?

Теперь я тяжело вздохнула и покачала головой.

– К младшему лейтенанту Богданову все вопросы, – кивнула я головой на Степу, а сама незаметно для старика кивнула ему, чтоб оформлял.

– Так как, Степан Сергеевич, не откажете?

Степан сидел и моргал, пытаясь переварить ситуацию.

– Ну, как же, Дудников, давайте мы поможем Вам документы восстановить, в приют пристроим, в больницу.

– Ну, сам посуди, лейтенант, выйду я из больницы и куда? Обратно? Дома меня давно похоронили, не ждет там никто, а лавочки уже жестковаты стали для моих старых костей. Не откажи, лейтенант, тебе-то что?

Я только головой покачала, слушая этот диалог. Написала на бумажке номер дела, положила на стол Богданову.

– На, еще на него закрой, тоже по чистосердечке проведи, давно глухарем висит.

– Вот спасибо, Аленушка, вот подсобила, – радовался Дудников.

– Все, дальше без меня, – подняла я руки, – давай, Богданов, работай. Ну, бывай, дядь Борь, удачи.

Я вышла на улицу. По сравнению с днем, стало прохладнее, но все еще было очень жарко. Села в машину и насладилась действием климат-контроля. У меня была запланирована интересная встреча сегодня.

На прошлой неделе, я сидела на работе, никого не трогала, когда на экране мобильного высветился странный длинный номер. Без особого интереса я сняла трубку и услышала смутно знакомый женский голос:

– Hi, darling! What's up?

– Hi, who is it?

– Это Ирина Изотова, помнишь такую?

– Ира? Вот это люди, не ожидала, честно. Как дела, как Нью-Йорк?

– Все good, – с легким акцентом сказала Изотова, – слушай, я на следующей неделе буду в нашем городе, давай увидимся?

– Давай, приедешь – звони, я буду рада.

И вот она приехала, и мы договорились встретиться на летней веранде одного милого заведения.

Когда я подъехала, я увидела, что Ирина уже сидит за столиком и лениво разглядывает людей. С ней случились вроде бы небольшие, но примечательные перемены. Ее светло-русые волосы стали, как будто тяжелее и блестящее, легкое белое платье красиво оттеняло кожу с золотистым загаром, большие черные очки выглядели очень стильно, как и светлый маникюр, на который она переключила свое внимание. В общем, Ирина стала заметно ухоженнее, что совсем неудивительно, если твой мужчина олигарх. Пусть даже и беглый.

Она заметила меня и широко улыбнулась, я улыбнулась в ответ, мне действительно приятно было ее видеть.

С Ириной мы познакомились, когда она проходила свидетелем по одному громкому делу. Ну как, свидетелем. В интересах дела, но с не очень приятной для Ирины мотивацией в виде задержанного за наркоту младшего брата, ее подсунули в подружки к олигарху Ивану Кожемятову. Почему именно Ирину, я до сих пор ума не приложу. Олигарха Кожемятова решением, принятым в высоких кругах, было приказано ликвидировать. Только кто-то ликвидировал Ивана на его же празднике раньше, чем это успели сделать спецслужбы, а Ирина по уши в него влюбилась. И была бы такая невеселая сказочка, если бы не оказалось, что Иван Кожемятов самоликвидировался и живет себе припеваючи в городе Нью-Йорке, забрав с собой Ирину и ее младшего брата. Официально Иван числился погибшим, жил в Америке под чужим именем и тот факт, что он жив, на Родине был известен очень узкому кругу лиц, в том числе мне.

– Привет, звезда! – поприветствовала я ее, – Слушай, ну ты шикарно выглядишь!

Ира крепко меня обняла и не очень весело усмехнулась в ответ на мои слова.

– Это не сложно, когда есть деньги, – просто ответила она.

– Тебя не радует тот факт, что у тебя есть деньги? – удивленно подняла я брови.

– Нет, просто привыкнуть никак не могу. Иван чуть ли не силой заставил меня купить дорогие шмотки, а я не могла себе разрешить. Я все время вспоминаю время, когда погибли

родители, Кожемятова и я делила пакет с гречкой на неделю, чтоб нам с Никиткой хватило. Я стараюсь помогать детям теперь, детский дом, что Иван курировал, взяла под свою опеку, так сказать, хочу грант для одаренных деток учредить, чтобы у них была надежда на хорошее образование...

– А своих не планируете? – немного перебила я ее.

– Пока не получается, – расстроилась Ирина, – врачи говорят, что все в порядке и просто нужно время, но я чувствую себя виноватой.

– Ир, ты чего? – округлила я глаза, – Нашла в чем себя винить.

– Я знаю, Ванечка тоже говорит, что я глупая, но я почему-то не могу избавиться от ощущения, что это моя вина. Ладно, ты-то как?

– Да ничего, все потихоньку. Ты зачем приехала, Иван говорил, что возвращаться не планирует?

Ира еще больше смутилась и робко улыбнулась.

– Знаешь, когда я слышала об эмигрантской тоске, я считала, что это глупости, а теперь... Я действительно скучаю по России, Ален, этого не объяснить. Да, там нет хамства нашего, грязи зимней, нитья бесконечного, а в той жизни, которую мне Ванечка подарил, вообще, как в сказке все, как в кино, но... Они там равнодушные, понимаешь? Души очень мало во всем, даже в Рождестве... Ну, чего ты смеешься?

– Прости, Ир, просто мне, как простолюдинке, сложно это понять. У меня бомжи и бытовуха день через день, а тебе

души в людях не хватает, иди ко мне, как юный друг милиции, души тебе будет хоть отбавляй, – не удержалась я.

Ира улыбнулась, вздохнула и сказала:

– Ну, вот и Ваня мне сказал: езжай, отчет по деньгам при-
ми, тоска пройдет за три дня.

– Думаю, он прав. А вообще, давай все по порядку рас-
сказывай.

И Ирина начала рассказывать. Как самолет приземлился в аэропорту имени Джона Кеннеди города Нью-Йорка и она, ступив на американскую землю, почувствовала себя маленьким ребенком, который потерялся. Вокруг сновали какие-то люди, которые говорили на каких-то непонятных языках, хотя Ирина обладала разговорным уровнем английского, она не понимала ни слова. В тот день она впервые узнала, что такое паническая атака. Она началась прямо в аэропорту. Она плакала, цеплялась за руку Ивана и боялась потерять сознание.

– Он очень испугался за меня, – комментировала Ира, – представь: ты поворачиваешься, а рядом стоит белая, как мел, баба, которая беззвучно рыдает и судорожно цепляется за твою руку.

Первые несколько дней она боялась выходить из дома. Иван привел русскоговорящего психолога, с которым Ира стала потихоньку переходить на английский. Потом она спустилась на улицу, потом согласилась сходить в ресторан. Сложнее всего оказалось пойти в магазин. Но потихоньку

все наладилось, Ирина начала гулять, они катались на велосипедах в центральном парке, ели мороженое, целовались как подростки, и девушка приняла свой новый мир.

– Ты не представляешь, какой Ванечка, представляешь, он интересовался у своих работниц, что можно показать женщине в Нью-Йорке и заказал для меня экскурсию по местам съемок «Секса в большом городе»! Это было потрясающе, я же влюблена в этот сериал.

– Как и миллионы женщин, – улыбнулась я.

А в канун Рождества, Иван подарил ей сказку. Уходя утром, он предупредил ее, что заказал фотосессию для них в праздничном городе и днем к ней придут стилисты и визажисты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.